

лемы из области славянского и болгарского синтаксиса, словообразования, исторической фонетики, также освещаемые в этом сборнике, остаются за пределами нашего внимания.

Л. В. Куркина

**Solta G. R. Einführung in die Balkanlinguistik
mit besonderer Berücksichtigung des Substrats
und des Balkanlateinischen. Darmstadt, 1980, 261 с. + карта**

Венский индоевропеист Георг Ренатус Зольта выпустил новую книгу до балканскому языкознанию, которая представляет собой весьма компактное изложение многочисленных сложных вопросов, охватываемых в настоящее время понятием балканистики. Общеметодологические проблемы переплетаются в ней с рассмотрением конкретных фактов. Характеризуется отношение балканской лингвистики и проблемы языкового родства; дается затем очерк балканского субстрата или субстратов с краткими характеристиками древних балканских языков (фракийский, дакский, иллирийский, пеонский, дарданский); достаточно подробно освещаются субстратные слова в румынском и албанском; специально выделяются проблемы румынского и албанского этногенеза и определяются отношения соответствующих языков к греческому, латинскому, славянскому языкам. Современные славянские языки Балкан и турецкий также освещаются из общей балканской перспективы. Значительное место уделено балканизмам разных языковых уровней (фонетика, морфология, синтаксис). Совершенно очевидно, что перед нами содержательная книга, особенно если учесть внимание автора к истории затрагиваемых вопросов и к библиографии. Следует также отметить умение автора давать четкие и удобообозримые очерки проблем. Понятия «балканизмы» и «балканские языки» весьма сложно распределяются в балканском географическом и языковом ареале, затрудняя проведение четких границ. В историческом аспекте отмечается постепенное нарастание собственно балканских черт: «Балканский характер новогреческого языка едва ли был предсказуем в древнегреческую эпоху» (с. 8). Таким образом, понятия «античная балканистика» или «палеобалканистика» оказываются в известном смысле метафорой.

Весьма уместны сомнения автора в достоверности «передвижения согласных» в фракийском, ср. сохранность *-p-* в местных продолжениях и.-е. **ap-* 'вода' (с. 18—19). Исследователям славянских рефлексов индоевропейских палатальных задненебных несомненно пригодится указание на стадию африкаты (*ts*) у балканского *th*, восходящего к и.-е. *k̂* (с. 41). Видимо, автор прав, считая, что «значительные пласты заимствований немислимы без известного престижа языка-источника» (с. 88), только спрашивается, был ли таковой у албанского языка? — По мысли Зольты, именно албанский был центральным языком балканского языкового союза (с. 233), хотя, говоря о культурно наиболее авторитетном балканском языке, мы безусловно вспомним в первую очередь греческий язык, центральная роль которого в балканистике сейчас нередко подвергается сомнению (с. 233),

Для нас важно указание на наличие интензивного славянского заселения Дакии на основе богатой топонимии славянского происхождения на этой территории (с. 93). Ряд античных местных и водных названий Дакии румыны получили через славянское посредство (с. 94), ср. например название реки Mureş (там же, сноски 153), на что давно обратил внимание еще Э. Моор. Количественное преобладание славянского пласта в румынской лексике над автохтонным и романским Зольта сравнивает с иранским пластом в словарном составе армянского (с. 101), и на это авторское сравнение можно положиться, так как оно основано на собственном опыте исследования армянского языка.

Возвращаясь к албанской проблеме, можно согласиться, пожалуй, с разумной позицией автора, «что албанскую проблему, видимо, нельзя решить при помощи резкой иллирийско-фракийской антиномии» (с. 115); имеются в виду ригористические концепции исключительно фракийского или исключительно иллирийского генезиса албанского.

Можно понять трезвость и скептицизм автора в отношении возможности окончательного определения ограниченной прародины (или «колыбели») языка и этноса (с. 70, 116). Специально рассматривается противоречие между концепцией дакского генезиса албанского языка у В. Георгиева и теорией иллирийской природы албанского, его лексического и словообразовательного инвентаря у Э. Чабея и других албанских ученых (с. 118). Внимательно относится Зольта к тезису Чабея о локализации ареала «добалканской стадии албанского языка где-то на севере Балканского полуострова», ср. ассоциируемые с Карпатами и Бескидами алб. *karpë* 'скала' и *bjeshkë* 'горы, высокогорное пастбище' (с. 122).

В отношении иллирийского языка и его роли на древних Балканах автор занимает несколько колеблющуюся позицию. Он готов согласиться, что значение этого языка раньше переоценивали (с. 27), но со свойственным ему здравым смыслом констатирует явную необъективность и научную несостоятельность противоположной крайности, ср. «иллирофобию» Х. Кронассера (с. 28). Справедливо также мнение, что древние местные названия весьма широкого ареала (паннонские, яподские, мессапские) нередко объясняются именно из албанского (с. 34). Едва ли можно спорить с тем фактом, что древние названия *Delminium*, *Dalmatia* объяснимы из алб. *dele*, *delme* 'овца, овцы', *Ὀὐλίμιον* (и его соответствие *Ulcisia castra* в далекой Паннонии!) — из алб. *ulk* 'волк' (с. 110). Однако колебания автора в связи с критикой паниллиризма имели своим следствием то, что он фактически все-таки склонен к недооценке иллирийского. Например, карта, приложенная к книге, охватывает только восточную часть Балканского полуострова («Область распространения фракийско-дакского населения»).

Оставляя здесь по понятным причинам в стороне важнейшую для балканистики сферу синтаксиса, морфологии (балканский постпозитивный артикль), посвятим несколько замечаний интересующей нас сфере лексической этимологии в книге. Имея в виду нарастающий (а не убывающий со временем) инвентарь балканских языковых особенностей и малое вероятие их зарождения в глубокой древности, мы считаем несколько преувеличенным интерес автора к так называемым «доиндоевропейским» элементам лексики, как бы выпадающим из основной системы аргумен-

тации. К тому же, доказательность доиндоевропейского происхождения слов, как правило, очень сомнительна, например для алб. *mal* 'гора', рум. *mal* 'берег, гора', *Dacia Maluensis* = *ripensis* почему-то решающей должна считаться ссылка на гасконское *malh* 'скала' (с. 20, сноски 57), а не на лтш. *mala* 'берег'. Уверенно относит автор к «доиндоевропейскому слою» также *Náпouka*, *Nароса*, античное название города Клуж, выделяя в нем субстратное греч. *νάπη* 'долина, лощина', исп. *nava* 'межгорье', баск. *nava* (с. 20). Остатком слова *-ouka*, *-osa* автор не интересуется при этом. В другом месте я попытался объяснить это название целиком — как сложение *Náп-ouka*, *Nар-osa* (иран. + индоар.) 'жилище (племени) напов', т. е. как вполне индоевропейскую структуру. Неприемлема для нас и такая научная аргументация: «*Alb-* — это широко распространенный элемент названий, который может быть без колебаний отнесен к доиндоевропейскому слою» (с. 112). Спрашивается, — почему? Не следует ли здесь подумать о гидронимах и апеллативах с корнем *alb-* 'белый', 'река' в разных местах индоевропейской Европы? Почему в ряду алб. *magul* 'холм', сард. *тоуого* 'бугор', рум. *măgură* и даже баск. *tokof*, определяемых как «архаический (?) языковой слой» (с. 134—135), отсутствует слав. **mogyla* < **mogŭlā* / **măgŭrā*? Достаточно ли критичен, наконец, автор, определяя, вслед за другими, рум. *colibă* 'хижина' как печенежское слово, а *bir* 'подать, дань' — как куманское (с. 177)? Заметим, что первое из этих двух слов восходит через славянский к балканско-индоевропейскому (иллирийскому?), а второе — вполне славянское образование.

В целом неточностей и недостатков в этом полезном очерке не так много. Книга дает, при своем малом объеме, богатую фактическую информацию с детальной историей вопроса начиная с «непревзойденного» труда Тунмана 1774 г. до новейших работ по балканистике. Из книги Зольты можно почерпнуть очень многое, вплоть до этимологии не совсем обычной фамилии ее автора, которая связана, насколько я понял, с итальянским названием острова *Solta* < *Sólenta* в Адриатическом море (с. 111).

О. Н. Трубочев

Mayrhofer M. Iranisches Personennamenbuch. Bd. I: Die altiranischen Namen. Faszikel 1: Die avestischen Namen. Wien, 1977; Faszikel 2: Die altpersischen Namen und Faszikel 3: Indices. Wien, 1979

Австрийский индолог и иранист, профессор общего и индоевропейского языкознания Венского университета Манфред Майрхофер приступил к осуществлению обширного научного предприятия — к изданию иранского ономастикона, вернее — словаря иранских личных собственных имен, который призван в значительной степени заменить старый труд Ф. Юсти (F. Justi. *Iranisches Namenbuch*. Marburg, 1895).

Предварительный план свода Майрхофера, действительно, впечатляет размахом и детальностью структуры. Заглаванным выше томом I (Древнеиранские антропонимы) должны последовать: т. II (Среднеиранские имена), т. III (Новоиранские имена); т. IV (Иранские имена на античных монетах); тт. V—X охватят иранские антропонимы в побочных письменных традициях